

НОВЫЙ ПЕРСИДСКИЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ МОНГОЛЬСКОГО НАШЕСТВИЯ

Проф. И. Петрушевский

В советской востоковедной литературе осталось совершенно не замеченным опубликование в Иране в 1308 г. хиджры солнечной (по реформированному мусульманскому календарю, т. е. в 1930 г. н. э.) нового, ранее неизвестного исследователям источника по истории монгольского нашествия. Это небольшой (79+26 страниц литографированного издания малого формата) труд на персидском языке, но с характерным арабским заглавием «Нафсат ал-масдур» («Раздавшийся свист ветра»), давно подготовленный к изданию покойным учёнейшим и плодовитым иранским историком, литературоведом и поэтом Риза Кули-ханом Хидайатом (1800—1871), с пространным предисловием последнего. Автором «Нафсат ал-масдур» Риза Кули-хан называет Нуреддина Мухаммеда Зейдери, предполагаемого секретаря (мунши) последнего хорезмшаха султана Джелаледдина Мангуберти (1221—1231), известного борца против монгольских завоевателей. К сожалению, не опубликовано почти никаких сведений о бывшей в распоряжении Риза Кули-хана рукописи названного труда. Неизвестно, кем и когда скопирован был использованный им список, сколько в нём было листов и каким почерком он был написан. Неизвестно также, куда девался этот список после смерти Риза Кули-хана и где он находится теперь.

¹ Nāfhat al-māsdur talif-e Khwājā-ye Nurād-dīn Mohāmād-e Reydāri... ba mogāddāma-ye mārhum-e Roza-Qoli-khan Nedayāt. Tehran. 1308 hejri-ye shāmsi. По техническим причинам персидские и арабские тексты в примечаниях не могут быть приведены.—
Ред.

Риза Кули-хан сообщает только, что бывшая в его распоряжении рукопись — искажённая копия сочинения, написанного 500 (?) лет назад, найденная им среди книг «дражайшего господина, эрудита (адиб) и пронцательного корреспондента» своего, мирзы Абдуллах Мунши Табаристани. Подготовляя эту рукопись к изданию, Риза Кули-хан, по его словам, по мере сил усердствовал в исправлении и установлении правильного чтения её текста.

В том же, 1308 г. хиджры солнечной (1930 г. н. э.) в Тегеране вышла в свет статья известного иранского ориенталиста, акад. Мирзы Мухаммед-хана Казвини, содержащая подробный разбор «Нафсат ал-масдур». Мухаммед-хан Казвини указывает прежде всего на то, что данное Риза Кули-ханом автору «Нафсат ал-масдур» им. Нуреддин Мухаммед Зейдери основано на недоразумении, вернее, является домыслом Риза Кули-хана, отождествившего автора названного источника с упомянутым у персидского историка XIII в. Алаеддина Джувейни секретарём хорезмшаха Джелаледдина по имени Нуреддин. Сам же автор источника, говоря о себе как о секретаре хорезмшаха Джелаледдина, именует себя просто Мухаммед-мунши.

Нисба (прозвище по месту происхождения) «Зейдери» предположена Риза Кули-ханом на том основании, что в книге дважды упомянута местность Зейдер в Хорасане

² Maqāla-ye tarikhī, āz hazrat-e aqa-ye mirza-ye Mohammād-Khan Qazwini dar bab-e noskhā-ye Nāfsat-al-masdur..., Tehran. 1308 hejri-ye shāmsi.

как родина автора. Указав, что такой местности в Хорасане не было и нет, Мухаммед-хан Казвини утверждает, что слово «Зейдер» является неправильным чтением, вследствие отсутствия пунктуации в рукописи, имени замка Хорендиз в северном Хорасане (в районе Нёсы, близ нынешнего Ашхабада).

Мирза Мухаммед-хан Казвини доказывает, что автором «Нафсат ал-масдур» является не кто иной, как хорошо известный исследователям автор большого арабоязычного труда «Сират ас-султана Джелал-ад-дин Мангуберти» (жители султана Джелаледдина Мангуберти), написанного в 639 г. хиджры солнечной (1241—1242)³. Мухаммед ибн-Ахмед Несави — мунши хорезмшаха Джелаледдина. В подтверждение своего тезиса Мухаммед-хан Казвини приводит ряд больших отрывков из обоих сочинений, почти текстуально или по содержанию совпадающих⁴ или пересыпанных одними и теми же стихами и цитатами, то приведёнными по-арабски в обоих источниках, то в «Сират» — по-арабски, в «Нафсат ал-масдур» — по-персидски⁵. Мирза Мухаммед-хан Казвини считает также автора обоих сочинений идентичным с упомянутым у Джувеини мунши Нуреддина, полагая, что у хорезмшаха Джелаледдина не могло быть двух мунши.

В тождестве авторов обоих источников — персидского «Нафсат-ал-масдур» и арабского «Сират» — нас убеждают не столько цитируемые Мирза Мухаммед-ханом Казвини текстуральные совпадения в ряде мест, ведь первое сочинение, написанное в 632 г. хиджры солнечной (1634—1635)⁶, могло послужить первоисточником для второго, написанного семь лет спустя, — сколько то обстоятельство, что в обоих названных источниках рассказ ведётся от лица автора, о личности и государственной деятельности которого сообщаются совершенно одинаковые сведения. Так, в обоих источниках автор рассказывает о себе, что, вернувшись из

посольства к владетелю Аламута, главе секты исмаилитов («ассасины») европейских источников), он был послан хорезмшахом Джелаледдином с поручением отвести в крепость Ширкербут на Мугани монгола-перебежчика.

Исполнив поручение, автор поспешил вернуться в лагерь хорезмшаха, но нашёл лагерь поспешно брошенным (как потом оказалось, ввиду приближения превосходящих монгольских сил); охотничьи леопарды оставались привязанными у дверей палаток, но ни одного человека из войска не было. Потеряв след хорезмшаха, автор пробыл три месяца в Гандже (зимой 628 г. хиджры солнечной) (1230—1231), где в то время на глазах у автора готовилось восстание против хорезмшаха, которое позднее, весной 1231 г., и разразилось⁷.

Весной 1231 г. автор прибыл в ставку хорезмшаха, который послал его с посольством к владетелю Мийфаркина (верхняя Месопотамия) Шихабеддину Музаффару Гази из династии Эйбупов⁸. В обоих источниках автор говорит, что он потерял из виду хорезмшаха после битвы при Амиде (верховья р. Тигра, август 1231 г.)⁹.

Если вместо «Зейдер» следует принять чтение «Хорендиз», то Хорендиз в «Сират» упоминается как неприступный наследственный замок автора, хорасанского дехкана из старинной иранизованной арабской фамилии¹⁰.

Итак, автором обоих источников, персидского и арабского, является, повидимому, одно лицо — Мухаммед Несави, как это и утверждает Мирза Мухаммед-хан Казвини. Зато неубедительно отождествление им историка Несави с упоминаемым у Джувеини мунши Нуреддином: о последнем Джувеини упоминает как о секретаре хорезмшаха ещё в связи с событиями 621 г. хиджры солнечной (1224), между рассказами о победе Джелаледдина над своим мятежным братом Гийаседдином и о походе хорезмшаха на Багдад¹¹, тогда как Несави, как видно из «Сират», поступил на службу к хорезмшаху после этих событий, только в 622 г. хиджры солнечной (1225)¹². Ещё важнее то, что у Джувеини приведён текст составленного рукою Нуреддина «манифеста о победе» (фатх-намэ) по случаю взятия хорезмшахом важной крепости Ахлат в Армении¹³, тогда

³ Труд этот издан O. Houdas под заглавием «Histoire du sultan Djelal-Eddin Mansoubirti». I—II. Paris. 1891—1895 г. (т. I—арабский текст, т. II—французский перевод). О дате составления труда см. цит. изд. арабский текст, стр. 248, французский перевод, стр. 413. В дальнейшем цитируем сокращённо — «Сират».

⁴ Ср. «Нафсат ал-масдур», стр. 38, 40—41, 44—53, 55—64; «Сират», цит. изд. O. Houdas, соответственно арабский текст, стр. 220—221, 222—229, 238—241, 242—245; французский перевод, стр. 365—368, 369—383, 398—403, 403—409.

⁵ Ср., «Нафсат ал-масдур», стр. 54—59; «Сират», цит. изд., арабский текст, стр. 243—248, французский перевод, стр. 404—414.

⁶ В «Нафсат ал-масдур», стр. 100, сообщается, что труд составлен через год после гибели Джелаледдина, причём, однако, допущена ошибка автора или переписчика: 662 г. хиджры солнечной вместо 632 г. хиджры солнечной, как следовало бы.

⁷ «Нафсат ал-масдур», стр. 38—44; ср. «Сират», арабский текст, стр. 212—228, французский перевод, стр. 353—380.

⁸ «Нафсат ал-масдур», стр. 45—46; ср. «Сират», арабский текст, стр. 229—230, 240, французский перевод, стр. 383—384, 400—401.

⁹ «Нафсат ал-масдур», стр. 47—48; ср. «Сират», арабский текст, стр. 242—243, французский перевод, стр. 403—404.

¹⁰ «Сират», арабский текст, стр. 90; французский перевод, стр. 150.

¹¹ «Алаеддин Ата-Мелик-и Джувеини, Тарих и Джахан гушай, изд. персидского текста Gibb memorial series. Т. II, р. 153.

¹² «Сират», арабский текст, стр. 104; французский перевод, стр. 173.

¹³ Джувеини. Указ. изд., перс. текст. Т. II, стр. 178—180.

как ни «Сират», ни «Нафсат ал-масдур» не цитируют этого манифеста и даже не упоминают о нём, что было бы трудно объяснить, если бы манифест был составлен самим Несави¹⁴.

Интересно замечание Мирзы Мухаммед-хана Казвини о том, что в середине века заглавие «Нафсат ал-масдур» принято было давать сочинениям, посвящённым изображению тяжёлых времён и трагических событий.

Он указывает, ссылаясь на Якута (конец XII — начало XIII в.) и Хаджи Халифа (XVII в.), что было известно несколько подобных сочинений с заглавием «Нафсат ал-масдур», в частности сочинение Шерефеддина Ануширвана ибн-Халида, министра султана Тогрула сельджукского, и сочинение некоего Мухаммеда ибн-Ахмеда ал-Аджеми. Последнее сочинение считалось утраченным; Мирза Мухаммед-хан Казвини отождествляет автора его с Мухаммедом ибн-Ахмедом Несави и полагает, что его «Нафсат ал-масдур» и есть то сочинение, список которого был найден и подготовлен к публикации Риза Кули-ханом¹⁵.

Несмотря на текстуальные совпадения в некоторых местах, «Нафсат ал-масдур» — отнюдь не краткая персидская версия другого, арабского труда Несави — «Сират», а источник самостоятельного значения.

Если «Сират» задуман и выполнен как историко-биографический труд о хорезмшахе Джелаледдине, то написанный семью годами раньше «Нафсат ал-масдур» — скорее мемуары самого автора (Несави). Здесь автор рисует свою службу при дворе хорезмшаха, много, порою утомительно подробно говорит о своих личных переживаниях, горестях, о своей злой судьбе. О деятельности самого Джелаледдина здесь говорится кратко и мало¹⁶. Большая часть текстов подробностей, которые переданы в «Сират», отсутствует в «Нафсат ал-масдур». В последнем встречаются лишь немногие детали о жизни и деятельности Джелаледдина, которых нет в «Сират».

В частности Несави рассказывает, как подготавливалось восстание ганджинских горожан против гарнизона и наместников хорезмшаха Джелаледдина в то время, когда сам автор, с острой сердечной болью переживавший явную уже в то время неудачу борьбы хорезмшаха с монголами, в каком-то оцепенении сидел в Гандже и «ночью был занят вином и днём — опьянением», хотя голос долга внушал ему необходимость

¹⁴ Ср. рассказ о взятии Ахлата в «Сират», арабский текст, стр. 198—201; французский перевод, стр. 330—336; там же указана дата взятия Ахлата Джелаледдином — конец 626 г. х=октябрь 1229 г., тогда как в тексте фатх-намэ, приведённом у Джувейни (цит. стр.), мы находим другую дату — 28 джумады I 626 г. хиджры солнечной=24 апреля 1229 года. Такое расхождение также было бы непонятно, если бы автором фатх-намэ был Несави, автор «Сират».

¹⁵ Мирза Мухаммед-хан Казвини. Указ. соч., стр. 20 сл.

¹⁶ «Нафсат ал-масдур», стр. 26—55.

действовать. «Я знал, — говорит автор, — что они (ганджинцы) во всяком случае подымают руки для мятежа и зложелательства и что наместники его величества, хотя и не являются их (ганджинцев) друзьями, не имеют сил погасить те искры». Наконец автор опомнился, и несмотря на то, что «около Арранская была рассеяна и истерблена татарами (монголами. — И. П.)¹⁷ и окрестности Ганджи волновались от полчища неверных», от множества которых «тёмною ночью степь казалась волнуемым морем, и с перекрёстка базара (города) их крики были слышны», наш автор предпринял опасное путешествие, «которое было за тысячу фарсангов от благоразумия». «По милости божьей», он благополучно прибыл в ставку хорезмшаха¹⁸. Уточнена дата восстания в Гандже: оно было подавлено хорезмшахом Джелаледдином, после безуспешных переговоров с горожанами, в месяце раджаб 628 г. хиджры солнечной (с 5 мая по 3 июня 1231 г. н. э.)¹⁹.

В «Нафсат ал-масдур» приводятся также некоторые детали, которых нет в «Сират», о посольстве автора в Мийафаркин к мелику Шихабеддину Музаффару Гази с просьбой о помощи хорезмшаху против монголов и о неудаче этого посольства²⁰. Сообщается, например, что известие о переходе 50 монгольских отрядов через перевал Беркри было получено меликом Музаффаром Гази по голубиной почте²¹, после чего тот категорически уклонился от оказания помощи хорезмшаху.

Почти две трети «Нафсат ал-масдур»²² посвящены рассказу о злоключениях автора после его вынужденной разлуки с хорезмшахом. Этот рассказ, которого совсем нет в «Сират», — самая интересная часть нашего источника. Это живой рассказ очевидца о том, как переживалось монгольское нашествие жителями верхней Месопотамии, южной Армении и южного Азербайджана. Картины страданий беженцев, разрухи и ужасов феодальных междоусобий в городах и областях нарисованы автором яркими красками. Несмотря на вычурный и напыщенный стиль нашего автора, рассказ его, полный драматизма, является для исследователя эпохи

¹⁷ И в «Нафсат ал-масдур» и в «Сират», так же как и во всех источниках первой половины XIII в. (ср. у ибн-ал-Асира, Киракоса Гандзакского), совсем не встречается термин «монгол», все эти источники знают только татар. Но в персидских исторических трудах Джувейни и Джузджани, написанных около 1260 г. н. э., термин «могол» — «монгол» уже общен.

¹⁸ «Нафсат ал-масдур», стр. 42—45.

¹⁹ О ганджинском восстании см. «Сират», арабский текст, стр. 235—237; французский перевод, стр. 392—395; см. также Бартольд В. «Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира», стр. 62. Баку. 1925; Петрушевский И. «Из героической борьбы азербайджанского народа в XIII в.», стр. 31—34. Баку. 1941.

²⁰ «Нафсат ал-масдур», стр. 47—48.

²¹ Там же, стр. 48.

²² Там же, стр. 55—100.

монгольского нашествия таким же человеческим документом, как некоторые эпизоды, переданные со слов очевидцев арабским историком ибн-ал-Асиром²³ или как рассказ армянского историка, монаха Киракоса Гандзакского, о своём пребывании в плену у монголов²⁴.

Нам кажется полезным изложить здесь вкратце приключения автора «Нафсат ал-масдур», следуя его рассказу и по возможности придерживаясь его стиля.

В месяце шаввале 628 г. хиджры солнечной (август 1231 г.) в лагерь хорезмшаха Джелаледдина близ Амида, в верховьях р. Тигра, явился какой-то туркмен и сообщил, что поблизости находится другое войско. Хорезмшах съёл этого человека агентом врага и не поверил ему, но из предосторожности всю ночь не спал, сидя за вином в своём шатре. Автор (Несави) в другом шатре провёл ночь за перепиской и только к концу ночи задремал. На рассвете, по небрежности стражи, лагерь хорезмшаха был окружён и атакован полчищами монголов. Хорезмшах с частью войска пробился и пошёл к Мийфаркину. Остальная часть войска была перебита или разбежалась. Бежал и автор. С двумя—тремя другими беглецами он трое суток укрывался в какой-то пещере. Мучимые голодом и жаждой, они покинули пещеру и прибыли в Амид. Здесь несчастные беглецы испытали на себе «тиранию, насилие и жадность» владетеля Амида, Рукнеддина Мас'уда из династии Ортукидов²⁵. Три месяца автор просидел в темнице этого тирана, наконец, однажды ночью он, надев дервишескую хырку, вероятно, при помощи каких-то друзей, неузнанный ушёл из زندана (тюрьмы). Выйдя из города, в горах он избежал «силков курдов и засад разбойников». Владетель Амида разослал всадников из «курдских мужиков» (улуджикарад) в погоню, двое из них задержали было автора, но не узнали его, и он счастливо унёс от них ноги. Так как он слышал о добrote владетеля Мардина, мелика Насиреддина Мансура из другой ветви династии Ортукидов, то обратил лицо к Мардину²⁶. Отдохнув там несколько дней, автор пошёл в Ирбиль. Владетель Ирбиля Музаф фареддин Кокбури из династии Бектегинидов принял автора ласково и одарил его, о чём тот повествует в высокопарных выражениях²⁷. Отсюда автор пошёл в Урумью (Урумия, ныне Резайе в иранском Азербайджане). Автор глухо говорит о тираннии и гнусном нраве какого-то Али Ираки, кото-

рый, воспользовавшись общей разрухой, «в товариществе с некоторыми другими негодьями» в то время захватил власть в Урумии²⁸. Автор едва избежал тюрьмы²⁹, уйдя из Урумии по хойской дороге. Но Али Ираки послал за ним в погоню 10—15 всадников. В полночь они настigli его, ограбили, изранили, связали по рукам и ногам и, невзирая на сильный холод, полуголого и ободранного оставили на снегу, полагая, что он уже мёртв или скоро умрёт. Автор неминуемо замёрз бы, если бы утром на него случайно не набрёл один из его прежних спутников, сотоварищ по скитаниям и невзгодам, который также спаслся из Урумии бегством. Он развязал автору руки и ноги, и оба они, почти раздетые и босые, при крепком холоде и по жестокому снегу, пошли вперёд. Автор подробно повествует о своих страданиях на пути из Урумии в Хой, когда он, стучась в дверь каждого дома, нигде не нашёл убежища. Ночью «возгорелся огонь лихорадки, кожа сошла с обеих ног». Всё же автор со спутником нашли в себе силы идти; через четыре дня они пришли к разрушенному городу³⁰.

Напрасно думал автор увидеть Хой таким, каким он был раньше. Монголы успели уже разорить город, и на месте его автор увидел «луг, на котором поселилась солицикая газель»; она стала добычей мрачного ворона, и «луга ланей стали рабатами для волков». Эта картина, как видно из дальнейшего рассказа, — поэтическая гипербола, которая понадобилась автору, собственно, для того, чтобы привести подходящее двуступище. В действительности же автор нашёл в Хойе не только луг с ланями и волками, но также дома и людей, которые приняли беглецов гостеприимно. Автор оставался там два месяца, чтобы залечить раны³¹. Выздоровев и отдохнув, он пожелал было обратиться лицом в сторону Хорасана, своей родины. Но знатные люди и старейшины Хойя отговорили его, указав на крайнюю опасность пути в Хорасан, и посоветовали направиться в Джезиру (Верхняя Месопотамия) и в Шам (Сирия), во владения династии Эйубидов, свободные от смут и нападений татар. В это время в Хойе собралось много беглецов из городов Армении, Дийарбекра и Азербайджана. Автор присоединился к этим обездоленным, и все они, пешие, без путевых припасов и оружия, в холод и стужу направились к горному перевалу Беркри, отделяющему южный (иранский) Азербайджан от южной Армении. Ещё не дойдя до вершины перевала, беглецы подверглись нападению разбойников, которые обобрали их и раздели почти догола. «С тысячьо затруднений» добрался автор до города Беркри, а оттуда пешком до Мийфаркина, в бассейне Верхнего Тигра³².

²³ См. у ибн ал-Ассира, Ал-Камиль фи-т-тарих, изд. Торнберга, арабский текст, стр. 244 сл. и *passim*, то же, русский перевод у В. Тизенгаузена. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. Т. I, стр. 14 сл.

²⁴ Киракос Гандзакский, французский перевод ак. М. Бороссе «Deux historiens arméniens» p. 119, ssq. SPB. 1870.

²⁵ «Нафсат ал-масдур», стр. 64—70. Этот правитель был врагом Джелаледдина и преследовал сторонников последнего.

²⁶ «Нафсат ал-масдур», стр. 71.

²⁷ Там же, стр. 72—74.

²⁸ Там же, стр. 82—86.

²⁹ О причине преследования автора можно только догадываться. Возможно, Али Ираки был сторонником монголов и преследовал бывших воинов Джелаледдина.

³⁰ «Нафсат ал-масдур», стр. 86—87.

³¹ Там же, стр. 87—90.

³² «Нафсат ал-масдур», стр. 90—95.

По словам автора, он вышел из Хойя в месяце мухарреме 629 г. хиджры солнечной (с 29 октября по 27 ноября 1231 г.). Эта дата безусловно неверна, ибо от начала августа до конца ноября прошло меньше 4 месяцев, между тем, судя по рассказу автора, его скитания продолжались не менее 6—7 месяцев, ибо 3 месяца он провёл в Амиде и 2 месяца в Хойе. Если бы автор прибыл в Хой в сентябре (за 2 месяца до выхода), то кажется неправдоподобным, чтобы в это время года на 38° северной широты, хоть и в горах, но на высоте не более 1500—2000 метров, пришлось путешествовать по глубокому снегу и в мороз. Повидимому, память изменила автору; надо думать, он вышел из Хойя не в мухарреме 629 г. хиджры солнечной, а уже в конце зимы того же года (1231—1232).

В Мийафаркине наш автор был ласково принят эйубидским владетелем, меликом Шихабеддином Музаффаром Гази, который знал автора ещё со времени его посольства в 628 г. хиджры солнечной (1231 г.). Ещё тогда мелик Музаффар, отказавшись помочь хорезмшаху и считая его дело проигранным, предлагал автору (Несави) остаться в Мийафаркине. Несави тогда отказался, сославшись на свой долг и на стих из корана, порицающий уклонение от участия в войне за веру («Правоверные, которые останутся у своих очагов, не будучи удержаны необходимостью, не равны с теми, которые подвизаются на пути божьем»)³³, и вернулся к хорезмшаху³⁴. Теперь автор нашёл в Мийафаркине безопасное убежище и остался здесь надолго. Во время своих скитаний автор ничего не слышал о султани Джелаледдине хорезмшахе, не знал, жив ли тот или мёртв. Только при дворе мелика Музаффара он узнал о судьбе Джелаледдина, лошадь, одежда и оружие которого после гибели его в горах от руки курдского разбойника были доставлены в Мийафаркин³⁵.

Здесь четыре года спустя наш автор закончил свою книгу «Нафсат ал-масдур», посвятив её такому же невольному эмигранту, одному из знатных людей Хорасана, некоему Садеддину, быть может, согласно догадке мирзы Мухаммед-хана Казвини, идентичному с Садеддином Джафаром ибн-Мухаммедом, который во время первого нашествия монголов на Хорасан в 1220 г. укрывался в крепости Хорендиз, принадлежавшей Несави. Семь лет спустя, как сказано, был написан «Сират».

Как источник «Нафсат ал-масдур» интересен ещё тем, что передаёт настроения людей ближайшего окружения хорезмшаха Джелаледдина, связанных со своим вождём преданностью исламу и ненавистью к «проклятым татарским многобожникам». Трактовка личности Джелаледдина в обоих сочинениях («Сират» и «Нафсат ал-

масдур») одинаково положительна и не чужда идеализации. Однако всё же у Несави Джелаледдин — живой человек во плоти и крови, хоть и привлекательный, но далеко не свободный от страстей и ошибок, тогда как у более поздних персидских историков: Джувеини (XII в.)³⁶, Рашидеддина (начало XIV в.)³⁷, Исфизари³⁸, Мирхонда (XV в.)³⁹ — образ Джелаледдина приобретает иконографические черты идеального и безупречного рыцаря, преданного вере государя, великого мусульманского героя.

Достоин внимания, что такая трактовка личности тюрка Джелаледдина сложилась именно в иранской среде в эпоху монгольского владычества⁴⁰ и что так рисовали Джелаледдина даже те персидские историки, которые, как Джувеини и Рашидеддин, были придворными историографами монгольских ханов Ирана.

О языке «Нафсат ал-масдур», тяжёлом, вычурном, условно риторическом, мы уже имели случай говорить. Издание этого источника, подготовленное Риза Кули-ханом, несмотря на его тщательную работу над текстом⁴¹, не может считаться научно-критическим уже хотя бы благодаря дефектности списка, бывшего в распоряжении Риза Кули-хана и затем утраченного. Новое критическое издание, как правильно замечает Мирза Мухаммед-хан Казвини, невозможно до тех пор, пока не будут обнаружены лучшие рукописи этого труда. Но даже и в таком ви-

³⁶ Джувеини (цит. изд. персидского текста. Т. II, *passim*) в части труда, посвящённой истории хорезмшахов; в одном месте (цит. изд. Т. I, стр. 107) Джувеини сравнивает хорезмшаха Джелаледдина с Рустамом и Сохрабом, излюбленными образами иранского героического эпоса, а Чингис-хана — с туранским царём Афрасиабом, врагом Ирана.

³⁷ Рашидеддин («История Чингис-хана», изд. Н. И. Березина. Труды восточного отд. Российского археологического общества. Т. XV, персидский текст, стр. 127; русский перевод, стр. 84) после описания победы хорезмшаха над монголами при Перване, где военный талант Джелаледдина выявился с особым блеском, говорит о нём: «Не видал мир такого мужа, не слышал о нём от прежних знаменитых людей».

³⁸ Муниеддин Мухаммед Исфизари «Раузат ал-дженнат», рукопись Института восточных рукописей Академии наук УзССР, 788, л. 191-а сл. (в Ташкенте).

³⁹ Мирхонд «История хорезмшахов», персидского текста Ecole des langues orientales vivantes, стр. 93 сл. *passim*. Париж. 1842.

⁴⁰ Арабский историк ибн-ал-Асир и персидский, но писавший в Индии, историк Джузджани относятся к Джелаледдину сдержанно. Армянские и грузинские историки XIII в. порицают Джелаледдина за военные действия против Грузии и её армянских вассалов (князей Мхаргдзели) и за религиозную нетерпимость.

⁴¹ Мирза Мухаммед-хан Казвини, однако, отмечает явные ошибки в чтении отдельных слов.

³³ «Коран», гл. 4, стр. 97.

³⁴ «Сират», цит. изд. арабский текст, стр. 238—240; французский перевод, стр. 398—401; ср. «Нафсат ал-масдур», стр. 47—48.

³⁵ «Нафсат ал-масдур», стр. 95—100.

де изданный «Нафсат ал-масдур» займёт своё скромное место в ряду источников по истории монгольского нашествия.

Сколько нам известно, в западноевропейской востоковедной литературе о выходе в свет «Нафсат ал-масдур» в двух словах упомянуто лишь в статье Массе «Риза Кули-хан» (т. IV «Энциклопедии ислама». Нов. изд. 1936). В работах советских и западноевропейских востоковедов, вышедших

из печати после 1930 г., «Нафсат ал-масдур» как источник не привлекался.

В заключение считаем своим приятным долгом поблагодарить члена-корреспондента АН УзССР д-ра исторических наук профессора А. А. Семёнова, любезно предоставившего нам для пользования как литографированное издание персидского текста «Нафсат ал-масдур», так и упомянутую статью Мирзы Мухаммед-хана Казвини.